

3. Бартов А. Сокровища звездного неба, или Недолгое знакомство Ивана Васильевича Мерзлякова и Антонины Ивановны Тупоухиной / А. Бартов // Нева. – 2004. – № 4. – С. 98–109.
4. Давыдов Д. Книжная полка Данилы Давыдова / Д. Давыдов // Новый мир. – 2008. – № 8. – С. 182–191.
5. Курицын В. Поэт-Милицанер / В. Курицын // Новый мир. – 1996. – № 7. – С. 186–190.
6. Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов / М. Липовецкий. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008.
7. Смирнова А. И. Проза Даниила Хармса: поэтика жанра / А. И. Смирнова // Вестник ВолГУ. Серия 8. – 2007. – Вып. 6. – С. 158–162.

References

1. Bartov A. Gizn kak ona est. Available at: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue8/bartov.html>.
2. Bartov A. Ivan da Marya i Darya, Praskovya, Varvara, Ystinya, Vasilisa i esche Stepanida, ili Avgustovskiye vechera. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/bartov4.html>.
3. Bartov A. Sokrovischa zvezdnogo neba, ili Nedolgoe znakomstvo Ivana Vasilyevicha Merzlyakova i Antoniny Ivanovny Tupouhiny // Neva, 2004, № 4, pp. 98–109.
4. Davidov D. Knijnaya polka Danili Davidova // Noviy mir, 2008, № 8, pp. 182–191.
5. Kuricin V. Poet-Milicaner // Noviy mir, 1996, № 7, pp. 186–190.
6. Lipoveckiy M. Paralogy: Transformation of (post)modernism discourse in Russian culture in the period of 1920–2000. Moscow, Novoye literaturnoe obozreniye, 2008.
7. Smirnova A. I. Daniila Harms's prose: genre poetics // Vestnik VolGU. Seruya 8, 2007, Vol. 6, pp. 158–162.

ТЕМА ДЕПОРТАЦИИ В ЧЕЧЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на примере романа Магомета Сулаева «Горы молчат, но помнят»)

Джамбекова Тамара Белаловна, доктор филологических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический институт, 364037, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33, e-mail: ATB-192@mail.ru.

В статье на примере романа М. Сулаева «Тавсолтан уходит с гор» – «Горы молчат, но помнят» рассматривается одна из самых трагических страниц в истории чеченцев – депортация в Среднюю Азию в феврале 1944 года. Писателю понадобилось время, изменение социально-исторической ситуации, чтобы не только открыто сказать об этих проблемах, но и сделать попытку объективного анализа произошедшего.

Ключевые слова: Северный Кавказ, чеченский роман 60-х годов, история, Великая Отечественная война, депортация, М. Сулаев, национальная культура, традиции

THE THEME OF DEPORTATION IN THE CHECHEN FICTION (Magomet Sulaev “Mountains remain silent, but remember”)

Dzhambekova Tamara B., Doctor of Philology, professor, Chechen State Pedagogical Institute, 364037, Russia, Chechen Republic, Grozny, 33 Kievskaja st., e-mail: ATB-1952@mail.ru.

The article deals with one of the most tragic page of the Chechen history -deportation to Central Asia in 1944, described in the M. Sulayev novels "Tovsultan leaves mountains" - "Mountains remain silent, but remember". Because of the social and historical situation the author had to spend much time to describe and analyze these problems objectively.

Keywords: North Caucasus, Chechen novel of the 60th years, history, the Great Patriotic War, deportation, M. Sulayev, national culture, traditions

М. Сулаев (1920–1992) родился в селении Гойгы, расположенном в пятнадцати километрах от столицы Чечни Грозного. Его детство и юность проходили в атмосфере пропаганды «идеалов советской власти». На этом этапе жизни у будущего поэта и прозаика всё складывалось как нельзя лучше: в восемь лет он поступил в общеобразовательную школу в Грозном, в 1933 году – в Бакинский педагогический рабфак, после окончания которого в 1937 году поступил и в 1941 году, перед самым началом войны, окончил Азербайджанский медицинский институт. Профессию врача он до конца своих дней совмещал с литературной деятельностью.

За более чем полувековой путь в литературе М. Сулаев опубликовал в центральных и местных издательствах два десятка книг прозы, поэзии, критики и публицистики. Его произведения печатались в журналах «Дон», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Нева», «Орга», «Утро гор».

Пятьдесят лет творчества М. Сулаева пришлось на нередкие в истории народа крутые повороты и тяжкие потери. Начало его творческого пути (первое стихотворение он написал в пятнадцать лет) совпало с разгулом кровавых репрессий тридцатых годов, унёсших среди прочих и многих из тогда известных писателей молодой национальной литературы. Беда не обошла мимо и семью начинающего писателя. В 1937 году был расстрелян его отец Абу Сулаев, который, как и многие другие чеченцы, поверив большевистским лозунгам, с оружием в руках защищал советскую власть. Несмотря на личную трагедию, вера молодого литератора в идеалы социализма не было поколеблена.

Магомет Сулаев с большим патриотическим подъёмом встретил начало Великой Отечественной войны. По горячим следам подвига легендарного Ханпаши Нурадилова, Героя Советского Союза, он создал поэму «Солнце победит». Окрылённый успехом (после опубликования в печати этой поэмы в 1943 году он был принят в члены Союза писателей СССР) Магомет Сулаев и в мыслях не мог допустить, какие коварные замыслы в это время вынашивал Кремль в отношении его народа. С подачи местных чекистов высшим руководством СССР было принято решение о поголовном выселении в 1944 году целого ряда малых народов Северного Кавказа и Поволжья, в том числе чеченцев, навесив на них ставший к тому времени привычным для слуха обывателя ярлык «враги народа».

Так появился в творческой биографии М. Сулаева, как, впрочем, и других писателей репрессированных народов, пропуск в полтора десятка лет.

К трагедии чеченского народа, униженного и оскорблённого «спецпереселением», писатель будет возвращаться в своём творчестве вновь и вновь на протяжении тридцати лет, сообразно авторским возможностям в разных условиях жизни общества. Впервые тема депортации появилась в повести «В Эскиное» (1964), которая вместе с названием стала составной частью романа «Тавсолтан уходит с гор» – («Тавсолта ломара д'авовду»), изданного в 1966 году на чеченском языке. В зачине романа описывается предвоенное время. Основной конфликт романа ограничен рамками семейной драмы старого горца, возникшей на почве столкновения традиционных нравственно-бытовых устоев чеченцев с «новой моралью» советской власти. Главный герой Тавсолтан был противопоставлен родным дочерям Нурседе и Селите, решившим объявить бой «замшелым пережиткам прошлого». Само собой, в подцензурном произведении оказались неразвернутыми сложнейшие проблемы депортации чеченского народа. Но уже одно то, что была затронута запретная тема, не могло не вызывать восхищения и всяческого одобрения.

Значимость этого произведения подтверждается мероприятиями, которые были организованы в связи с публикацией романа в 1966 году. Для обсуждения романа были приглашены эксперты из Москвы. Коллеги по писательскому цеху отнеслись в целом благожелательно к своему чеченскому собрату. В своих формулировках они тщательно остерегались всего того, что могло подвести писателя под политические «упрёки». Члены чеченской делегации вообще не затрагивали переселенческую тему (Х. Ошаев, Х. Эдилов, М. Ясаев). Только Л. Славин (Москва) всё же отметил: «Сам процесс переселения описан со сдержанной силой, с художественной лаконичностью. Не много страниц, но какие потрясающие!». И тут же поспешил успокоить блюстителей идеологической стабильности и предупредить их подозрений крамолы: «Смысл романа – в словах учителя: "В нашей стране в конце концов всегда торжествует правда"». Не будучи уверен в надёжности слов «учителя», Славин берёт защиту коллеги на себя: «В том, что Магомед Сулаев поднял такую тему, сумел её поднять, я вижу очень важное – светлый его талант и смелость. Пушкин говорил, что гений и злодейство – две вещи несовместные. Мне кажется талант и трусость тоже несовместимые» [1, с. 67].

Писателю понадобилось время, изменение социально-исторической ситуации, чтобы не только открыто сказать об этих проблемах, но и сделать попытку объективного анализа произошедшего. Спустя четверть века был представлен новый вариант романа под названием «Горы молчат, но помнят».

В романе М. Сулаева отразилась новая общественная информация, которая стала достоянием гласности в конце 80-х годов. Писатель в предисловии сформулировал концепцию своего произведения: «В ночь на 23 февраля 1944 года, в три ноль-ноль (в праздничный день – День Красной Армии!) по коварному замыслу "отца народов" Сталина и его послушных холуев Молотова, Берии, Когановича, около полмиллиона чеченцев были в считанные часы взяты под ружьё, погружены в товарные эшелоны, лишены имущества, домов, скота, вырваны с корнями из родной, исконной своей земли и насильственно вывезены в далёкие края... Около половины переселенных погибло в первые же месяцы изгнания от морозов, болезней и голода» [5, с. 3].

В повествовании внимание сосредоточено на судьбах семей Тавсолтана Берсанова, Керима Албастова и Анны Львовны, в которых, как в фокусе, сконцентрирована непростая судьба чеченского народа.

Тавсолтан Берсанов из числа тех, кто в молодости защищал советскую власть, однако со временем приходит разочарование в тех людях, у кого слова расходятся с делами, которые пришли к власти и пользуются незаслуженными благами, нарушают права обычных людей. Одна за другой обрушиваются на Тавсолтана проблемы, которые возникают в семье, – известие о гибели на фронте старшего сына Мурада, смерть жены Нурбики, нарушение горских обычаев дочерьми и т.д. Много требуется сил, чтобы выдержать все эти испытания, однако старый Тавсолтан так и не смог примириться с «новшествами власти» – стали играть комсомольские свадьбы, выращивать на плантациях в горах табак. Во всем этом герой видит не только нарушение горских обычаев, но и разрушение морально-нравственных основ жизни.

Идейным центром романа М. Сулаева является одна из самых трагических страниц истории чеченского народа – депортация. «Страшные картины переселения, – пишет К.Б. Гайтукаев, – сопровождавшиеся расстрелом на месте, в упор, "нетранспортабельных стариков", больных, детей, – не вымысел автора. За ними – кровотокающая правда, правда о заживо сожжённых в Хайбахе, вероломно умертвлённых врачами-выродками больных в Урус-Мартановской райбольнице. И много другой правды в той же цепи, помноженных на сегодняшний беспредел и бойню в многострадальной Чечне» [1, с. 68].

Один из главных героев романа, директор местной школы Керим Албастов одним из первых отправляется на фронт, оттуда возвращается в звании майора и попадает под Указ о выселении. С этого момента начинается процесс его прозрения. Он задаёт себе и другим вопрос «За что?!» и не находит ответа: «Его и не могло быть,

как не было и не могло быть разумного объяснения поголовному обвинению в "измене" всех – от грудных детей и женщин до глубоких стариков, обвинение в массовом пособничестве населения врагу тогда, когда последний никогда не был на территории Чечни...» [2, с. 78].

Керим так и до конца не поймёт, что причина крылась в природе самой системы и традициях российской государственности решать сложные вопросы «простыми» методами... Происходящее на его глазах он воспринимал как нелепую ошибку, которую исправят, как только об этом узнает «товарищ Сталин». В этом искреннем заблуждении и заключалась историческая правда момента. Только старый коммунист-ленинец, свёкор Анны Львовны понял и предусмотрительно замолчал... Это другой момент правды исторического заблуждения.

Чётко разграничивая власть и простых людей всех национальностей, М. Сулаев тепло описывает нормальные человеческие взаимоотношения, которые устанавливаются в среде последних, несмотря на оголтелую пропаганду спецорганов. Семье Керима и Тавсолтана помогает в новых условиях выжить казах Шакен. Немец Эзау честно выполняет свой долг врача. На его счету десятки спасённых от голодной смерти «спецпереселенцев».

За множеством подробных эпизодов романа – трагическая правда чеченского народа, исторические судьбы людей. Нельзя не отметить значимости романа М. Сулаева в истории развития чеченской литературы. Не ставя перед собой задачу представления глубокого анализа этого произведения, скажем, что в 90-е годы прошлого века в чеченской прозе возросла тенденция реалистического исследования материала, усилился историко-социальный подход, стали разрабатываться новые темы, позволяющие писателям выходить на совершенно новый уровень осмысления поставленных проблем.

Можно заключить, что в конце 80–90-х годов XX века чеченские писатели, как и их коллеги по писательскому цеху по всему Северному Кавказу и Калмыкии [3; 4], глубоко осмысливали и разрабатывали на материале современности тему исторической правды, воссоздавая и бережно сохраняя национальную культуру, традиции, обычаи и обряды, отраженные в народных песнях, преданиях, легендах, составляющих важнейшую и неотъемлемую часть идейно-художественного пространства произведений и определяющих их национальную специфику.

Список литературы

1. Гайтукаев К. Б. Писатель и его герои / К. Б. Гайтукаев. – Грозный : Библиотека журнала «Ичкерия», 1998. – 96 с.
2. Минкаилов Э. С. Чеченская литература периода депортации (1944–1956 гг.) / Э. С. Минкаилов // Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации : мат-лы республиканской науч.-практ. конф. – Орга, 2011. – № 2. – С. 74–80.
3. Манджиев Н. Ц. Калмыцкая проза о депортации: концепция человека : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ц. Манджиев. – Майкоп, 2005. – 23 с.
4. Отарова М. Б. Художественное осмысление проблемы депортации (на материале литератур народов Северного Кавказа и Калмыкии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Б. Отарова. – Нальчик, 2006. – 18 с.
5. Сулаев М. Горы молчат, но помнят. (На чеченском языке) / М. Сулаев. – Грозный, 1990.

References

1. Gajtukaev K. B. Pisatel' i ego geroi. Groznyj, Biblioteka zhurnala «Ichkerija», 1998. 96 p.
2. Minkailov Je. S. Chechenskaja literatura perioda deportacii (1944–1956 gg.) // Deportacija chechenskogo naroda: posledstvija i puti ego rehabilitacii. Orga, 2011, № 2, pp. 74–80.

3. Mandzhiev N. C. Kalmyckaja proza o deportacii: koncepcija cheloveka. Mажkop, 2005. 23 p.
4. Otarova M. B. Hudozhestvennoe osmyslenie problemy deportacii (na materiale literatur narodov Severnogo Kavkaza i Kalmykii). Nal'chik, 2006. 18 p.
5. Sulaev M. Gory molchat, no pomnjat. (Na chechenskom jazyke). Groznyj, 1990.

ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОСОБЫЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР¹

Озерова Елена Григорьевна, доктор филологических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: ozerova@bsu.edu.ru.

В статье рассматривается лирикопрозаический текст как особый речевой жанр, в центре которого находится эготоп, репрезентирующий системы культурных и социально-психологических принципов поведения человека, социализированного в русской культуре.

Ключевые слова: лирикопрозаический текст, эготоп, культурная память, авторское восприятие

LIRICOPROZAIC TEXT AS A SPECIAL SPEECH GENRE

Ozerova Elena G., Doctor of Philology, Belgorod State National Research University, 308015, Russia, Belgorod, 85 Pobeda st., e-mail: oze-rova@bsu.edu.ru.

The article considers the lyric prosaic text as a distinct speech genre with egotope in its centre which represents the systems of cultural and social psychological principles of human behavior within the Russian culture.

Keywords: lyric prosaic text, egotope, cultural memory, author's perception

Как новое направление в изучении художественного текста когнитивная поэтика стремительно расширяет исследовательское пространство, в котором, однако, лирикопрозаический текст до сих пор остаётся практически не изученным феноменом словесно-художественной культуры. Своеобразие лирикопрозаического текста заключается в особом духовно-чувственном мышлении на грани поэтического нарратива и художественного философствования о смысле и ценности жизни, панорамной репрезентации действительности через преломление Я-пространства и культурно-исторической действительности. В дискурсе лирикопрозаического текста эти категории настолько имплицитны, скрыты в лабиринтах образной речи, что для их экспликации требуется такой методологический подход и такой исследовательский инструментарий, который бы мог служить средством этнокультурологического моделирования дискурсивного пространства русской лирической прозы.

Когнитивно-прагматическая интерпретация речеванровой природы лирикопрозаического текста основывается на понимании лирической прозы как лаконичного прозаического текста с преобладающим чувственно-авторским «Я» и повышенно-эмоциональным (поэтическим) стилем речемышления. Однако эти критерии не могут быть абсолютно надёжными. Достаточно вспомнить важное для нас замечание А.А. Потебни. Поэзию, полагал учёный, можно встретить в любом произведении, «где определённость образа порождает текучесть значения, то есть настроение за немногими чертами образа и при посредстве их видит многое в них не заключённое, где даже без умысла автора или наперекор ему появляется иносказание» [5, с. 373].

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.